

Этика

Ethics

<https://doi.org/10.22363/2313-2302-2026-30-2-544-561>

EDN: FJJUUAU

Научная статья / Research Article

Метафизика смерти: философско-религиозное осмысление и этико-правовые дилеммы

Л.Р. Клебанов , М.М. Маджумаев , Р.В. Гребенев

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
 murad.mad@outlook.com

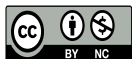
Аннотация. Актуальность исследования определяется экзистенциальной и этико-правовой необходимостью переосмысления смерти в условиях, когда традиционные философские представления о конце бытия как биологическом явлении дополняются новыми категориями. Целью работы является исследование смерти, прослеживающее, как философские и этические концепции трансформировались в правовые и регулятивные механизмы (юридические аспекты). Методология данного исследования основана на методе материалистической диалектики, позволяющем всесторонне рассматривать явление в динамике его развития, в процессе эволюции и приобретения новых качественных и количественных признаков. В качестве общенаучных методов используются анализ и синтез, индуктивный, дедуктивный и структурно-функциональный методы, а в качестве частнонаучных формально-логический, сравнительно-правовой и сравнительно-исторический. Прослеживается эволюция регулятивных отношений, возникающие в связи со смертью, от религиозных и философских догм античности и средневековья до светского правового позитивизма современности. В заключении подтверждается, что философская танатология служит необходимой методологической основой для права, обеспечивая, чтобы юридические категории (правовая танатология) надлежащим образом защищали интересы человека в многомерном пространстве его существования.

Ключевые слова: этика, религия, право, экзистенциализм, постмортальное достоинство, культурный императив, обращение с телом

Вклад авторов. Все авторы внесли равный вклад в разработку концепции, дизайна исследования, обработку собранных материалов, анализ полученных данных и написание рукописи.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Клебанов Л.Р., Маджумаев М.М., Гребенев Р.В., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Финансирование. Исследование подготовлено в рамках темы № 210506-0-000 «Передовые технологии молекулярной морфологии, пространственного фенотипирования и искусственного интеллекта при доказывании в уголовном судопроизводстве», поддержанной Мегагрантом РУДН 2025 года (код конкурса U.4-2025)».

Заявление о доступности данных. Все данные, полученные в ходе этого исследования, включены в опубликованную статью.

История статьи:

Статья поступила 05.09.2025

Статья принята к публикации 10.02.2026

Для цитирования: Клебанов Л.Р., Маджумаев М.М., Гребенев Р.В. Метафизика смерти: философско-религиозное осмысление и этико-правовые дилеммы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2026. Т. 30. № 2. С. 544–561. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2026-30-2-544-561> EDN FJJUAU

The Metaphysics of Death: Philosophical-Religious Interpretation and Ethical-Legal Dilemmas

Lev R. Klebanov^{ID}, Murad M. Madzhumayev^{ID}✉, Roman V. Grebenev^{ID}

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉murad.mad@outlook.com

Abstract. The relevance of the study is determined by the existential and ethical-legal imperative to re-evaluate the concept of death in a context where traditional philosophical understandings of the end of existence as a biological phenomenon are being augmented by new categories. The aim of the research is to examine death, tracing how philosophical and ethical concepts have been transformed into legal and regulatory mechanisms (legal aspects). The methodology of this study is based on the method of materialistic dialectics, which facilitates a comprehensive examination of the phenomenon within the dynamics of its development, including its evolution and acquisition of new qualitative and quantitative characteristics. General scientific methods applied include analysis and synthesis, induction, deduction, and structural-functional methods, while specific scientific methods encompass the formal and logical, comparative legal, and comparative historical approaches. The paper traces the evolution of legal norms regulating relations death-related relationships, from the religious and philosophical doctrines of Antiquity and the Middle Ages to the secular legal positivism of the modern era. The conclusion affirms that philosophical thanatology serves as a necessary methodological foundation for law, ensuring that legal categories (legal thanatology) appropriately protect human interests within the multidimensional space of existence.

Keywords: ethics, religion, law, existentialism, post-mortem dignity, cultural imperative, body disposal

Contribution of authors. All the authors contributed equally to the development of the concept, design of the study, processing of the collected materials, analysis of the obtained data and writing the manuscript.

Conflict of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Funding of Sources. The research was prepared within the framework of topic No. 210506-0-000 “Advanced technologies of molecular morphology, spatial phenotyping and artificial intelligence in proving in criminal proceedings», supported by the RUDN Megagrant 2025 (competition code U.4-2025)”.

Statement about data availability. All the data obtained during the study is included in the published article.

Article history:

The article was submitted on 05.09.2025

The article was accepted on 10.02.2026

For citation: Klebanov LR, Madzhumayev MM, Grebenev RV. The Metaphysics of Death: Philosophical-Religious Interpretation and Ethical-Legal Dilemmas. *RUDN Journal of Philosophy*. 2026;30(2):544–561. (in Russian) <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2026-30-2-544-561> EDN FJJUAU

Введение

Смерть, выступающая абсолютным экзистенциальным феноменом, представляет человеческое присутствие (*Dasein*), являясь, согласно Мартину Хайдеггеру, собственной, безотносительной, нереляционной, непреодолимой возможностью (проявлением) бытия [1; 2. С. 1042]. Танатология, как учение о смерти, не может быть сведена к простому медицинскому или юридическому описанию, а должна быть осмыслена как фундаментальная онтологическая дисциплина, в рамках которой прекращение бытия (финитность) закладывает метафизические представления о сущности личности и ее конечности.

Проблема, с которой сталкивается любая культура, заключается в преодолении материальной и онтологической дихотомии, так, тело, которое еще недавно было вместилищем *Dasein* и субъектом права, в момент смерти сводится до неживого предмета, подверженного разложению. Культурные и этические институты реагируют на этот кризис бытия путем разработки строгих правил обращения с телом, которые служат средством поддержания постмортального достоинства. Эти правила, формирующие погребальные обряды, являются прямым отражением метафизических воззрений на посмертную судьбу души и этические обязательства живых перед умершим.

Правовое регулирование вопросов, касающихся смерти человека, не является исключительно светской или научно-рациональной задачей. Оно выступает прямым и зачастую противоречивым отражением глубинных культурных и метафизических представлений общества о сущности человеческого бытия, прекращении правосубъектности и конечной судьбе тела и души. Основная причина этого заключается в существующем противоречии между потребностью светского государства в единых объективных стандартах и правом человека следовать собственным религиозным и философским убеждениям. Именно такое противоречие является основным фактором, влияющим на развитие данной отрасли, задающим направление формирования правовых норм с античности до наших дней.

Настоящее исследование сосредоточено на системном анализе исторической эволюции философско-религиозных представлений о смерти, которая приводит к юридическому факту.

Философско-религиозное понимание смерти

Религиозный императив сакральности тела умершего и дилемма (вопрос) постмортального вмешательства

Мировые религии, оперируя теологическими понятиями души и загробного суда, вводят императив сакральности тела умершего, который напрямую диктует принципы постмортального обращения с ним.

В *иудаизме* основными принципами, регулирующими вопросы смерти, являются святость тела (*kavod ha-met*) и запрет на его осквернение (*nivul ha-met*) [3]. Из этих принципов вытекает традиционный запрет на вскрытие, бальзамирование и кремацию. Тем не менее, еврейский закон (Галаха) предусматривает важное исключение в виде принципа «пикуах нефеш», который гласит, что сохранение человеческой жизни имеет приоритет над почти всеми другими заповедями [4. С. 69–72]. Этот принцип оправдывает проведение вскрытия, если может быть установлена прямая связь между этой процедурой и спасением жизни, например, в рамках уголовного преследования или для выявления генетического заболевания, представляющего угрозу для живых родственников.

В *Исламе*, законами шариата, аналогичным образом подчеркивается сакральность тела и необходимость скорейшего захоронения. Вскрытие и кремация, как правило, запрещены [5. Р. 69–93], поскольку считаются осквернением тела и задержкой его возвращения в землю. Однако принцип *маслаха* (общественное благо) обеспечивает теологическую основу для юридических исключений [6. Р. 130–133]. Исламские ученые постановили, что вскрытие тела допустимо, если это требуется правоохранительными органами в рамках расследования уголовного дела, для целей медицинского образования или для предотвращения угрозы общественному здоровью [6. Р. 130–133].

В *христианстве* исторически позиция в отношении смерти и погребения претерпела значительные изменения. В то время как раннее христианское учение часто выступало против кремации и вскрытия тела, исходя из веры в физическое воскресение [7], Католическая церковь в настоящее время разрешает вскрытие и кремацию при условии, что они не являются проявлением отрицания веры. Христианское теологическое понятие «частного суда» происходящее сразу после смерти, когда душа подвергается суду за свои земные дела, придает духовное значение окончательности жизни человека и служит религиозным следствием юридической окончательности завещаний и других решений, связанных с окончанием жизни [8].

Дхармические и восточные религии, такие как индуизм и буддизм, основываются на основных доктринах кармы и реинкарнации. Эти верования в корне определяют ритуалы смерти и, как следствие, их взаимодействие со светским правом.

И в индуизме, и в буддизме кремация является предпочтительным способом захоронения тела, поскольку считается, что она помогает душе отделиться от физической формы и перейти в следующую жизнь или достичь духовного освобождения (мокша или нирвана) [9; 10. С. 116]. Это предпочтение кремации, часто в короткие сроки или по истечении определенного периода времени, может создавать противоречия со светским законодательством. Для индуистов «закон кармы» принято считать системой космической справедливости, действующей самостоятельно, отдельно от карательных и компенсационных механизмов человеческого права [11. Р. 27].

В синтоизме центральное место занимает концепция кегаре, или ритуальной нечистоты, которая тесно связана со смертью [12. Р. 191–202]. Исторически это привело к культурному отделению погребальных обрядов от синтоистской практики, а образовавшуюся нишу заполнил буддизм. Такое отвращение к смерти означало, что для определения и регулирования погребальных обрядов необходимо было государственное вмешательство.

Зороастризм демонстрирует наиболее радикальную культурную стратегию обращения с мертвым телом, основанную на принципах чистоты элементов. Вследствие доктрины о том, что мертвое тело загрязнено злым духом и не должно осквернять чистые стихии (огонь, воду, землю), возник уникальный постмортальный мандат, выставление тела в «Башнях молчания» (Дахмах) для поедания собаками и хищными птицами плоть с костей [13]. Было принято считать, что эти существа уносят души умерших, обеспечивая их вселение в новые тела [13].

Этот обряд требует жесткой социальной изоляции и привлечения специальных агентов (насусаларов, лиц, занимающихся похоронами), которые, не будучи религиозными деятелями, выполняют функцию культурологического посредничества между чистым обществом и нечистым трупом.

Необходимость государственного вмешательства для регламентации этого процесса выступает ярким примером того, как фундаментальная метафизическая установка (чистота) вынуждает право создавать специальные механизмы для управления социальной границей смерти.

Все религии сходятся в том, что земная смерть лишь знаменует собой переход души в иной мир, где жизнь продолжится. Тело есть лишь вместилище для души, а потому погребение может иметь самые разные формы, но всегда регулируется правилами — похоронным обрядом. Следовательно, религиозные нормы и светские нормы (например, вскрытие для установления причины смерти) могут вступать в противоречие друг с другом.

Философское понимание смерти

Античный мир представляет собой многообразие воззрений на смерть, в котором две противоположные точки зрения (платонический дуализм и эпикурейский материализм) [13] образовали фундаментальную дихотомию, сохраняющую свою актуальность в современном философском дискурсе.

Философия Платона, особенно в контексте смерти Сократа, связывается с процессом очищения или исправления и сформировала надежную модель взаимоотношений между личностью, законом и смертью [14. С. 507]. Принятие Сократом своего несправедливого смертного приговора вместо бегства продемонстрировало его полную приверженность законам государства, даже когда они применялись людьми ошибочно [15]. Этот поступок следует рассматривать не как акт покорности, а как выражение философской позиции, в которой добродетельная жизнь ценится выше долгой, а смерть не считается наихудшим из возможных исходов для человека [15]. Считалось, что жизнь, исполненная пороков, хуже. В платоновском мировоззрении душа представляет собой бессмертную, отдельную от смертного тела сущность.

В прямой противоположности этому выступает философия Эпикура, которая отражает материалистический взгляд на смерть, т.е. прекращение всякого ощущения и сознания. Для Эпикура страх смерти является иррациональным, поскольку, «когда мы существуем, смерти еще нет, а когда смерть наступает, нас уже нет». Эта философская позиция создает прямой вызов идее посмертной правосубъектности. Если смерть прекращает всякое существование, то у умершего не может быть никаких интересов, которые можно было бы ущемить или защитить. С этой точки зрения, усилия правовой защиты «прав» умерших являются в корне нелогичными.

Стоическая философия, в свою очередь, предлагает третью перспективу, рассматривая смерть как естественное и индифферентное событие, неотвратимую часть вселенского порядка, неподвластного индивидуальному контролю [16. Р. 5]. Стоики учили, что правильной реакцией является не страх, а рациональное принятие и спокойствие [16. Р. 7]. Эта философская позиция неявно подкрепляет верховенство государственной власти над жизнью и смертью. Обучая людей принимать то, что находится вне их контроля, стоицизм закладывает философскую основу идеи гражданского долга перед государством, будь то в контексте военной службы или принятие приговора о смертной казни. Например, Сенека часто размышлял о смерти, призывая к осмыслению смертности как к способу жить более добродетельно и без сожалений [16. Р. 4]. Акцент на моральном намерении, а не на достижении конкретной цели, предполагает, что «достойная смерть» является последним добродетельным актом хорошо прожитой жизни, согласующим индивидуальное предназначение с более масштабным, рациональным космическим порядком.

Периоды Средневековья и Возрождения ознаменовались примечательным переплетением религиозной, политической и юридической власти в вопросах, касающихся смерти. Государство стремилось к консолидации своей власти, зачастую используя смертную казнь в качестве основного инструмента суверенитета, в то время как Церковь параллельно отстаивала свою «юрисдикцию» над духовной судьбой усопших.

Наиболее показательным в этом отношении является правовая доктрина *mors civilis*, или «гражданская смерть». Появившаяся в Античном Риме для обозначения изгнания, эта идея в Средневековье и эпоху Возрождения

эволюционировала до юридического института, в соответствии с которым живой человек объявлялся «мертвым» с точки зрения закона [17. Р. 327; 18. С. 438]. Эта доктрина лишала людей права на собственность, наследования и гражданства и применялась в том числе и к осужденным за тяжкие преступления [17. Р. 328]. Значимость этой концепции заключается в том, что она демонстрирует способность права создавать юридическую фикцию смерти, полностью независимую от биологической реальности. Право, как элемент суверенной власти, могло определять существование человека в своих собственных интересах. В эпоху Возрождения эта концепция приобрела теологическое измерение: некоторые теоретики утверждали, что воля правонарушителя уже «мертва по причине греха», а *mors civilis* служила для объективизации этого предшествующего духовного состояния [17. Р. 328]. В этом понимании закон рассматривался не только как карательный механизм, но и как теологический инструмент, раскрывающий глубокое слияние религиозной и светской власти в вопросах определения правосубъектности.

В этот период смертная казнь также приобрела особую важность как средство поддержания общественного порядка, часто трактуемая как «жертвоприношение Богу» для умиловливания Божественного гнева и восстановления морального порядка, нарушенного преступлением [19]. Хотя государство утверждало свою монополию на приведение в исполнение смертной казни, оно не имело исключительного права на интерпретацию смысла смерти. Церковь последовательно боролась за власть над душой осужденного, что приводило к спорам о праве преступника на христианское погребение и проведение последних обрядов. Эти дискуссии подчеркивают важный момент: даже по мере укрепления монополии государства на физическое насилие, контроль над смертью оставался «спорным вопросом», в котором линии власти были жестко разграничены. В правовых документах того периода, таких как папские постановления, прослеживается борьба за власть над тем, кто может считаться членом общества, даже после смерти [20]. Разделение судьбы тела и души, где тело подлежало казни государством (его приговором), а душе предлагалось спасение Церковью демонстрирует сложный, договорной характер смерти в юриспруденции.

Эволюция танатологии в *современную эпоху* характеризуется двумя фундаментальными и взаимосвязанными преобразованиями: становлением правового позитивизма отделившего право от морали, и последующей «медикализацией» (объективизацией) определения смерти.

Возникновение правового позитивизма, основателем которого считается Иеремия Бентам, положило начало важнейшему идейному сдвигу в танатологической юриспруденции. Бентам четко разграничивал право, как существующую данность (*lex lata*) и право как должную норму (*lex ferenda*) [21. С. 105–106], рассматривая естественное право, как устрашающую фикцию (*formidable non-entity*) [22], основанную на моральных предрассудках. Его утилитарная философия заключалась в том, что человеческое тело (труп) не является священной сущностью, а представляет собой «объект для

использования», лишенный какой-либо моральной или юридической индивидуальности [23]. Эта точка зрения прямо противоречила господствующему религиозному убеждению о необходимости сохранения тела для воскрешения. Она стала решающим фактором в принятии законодательства, разрешающего использование невостребованных тел для медицинского препарирования, что фактически отделило правовое и медицинское обращение с телом от духовных вопросов. Таким образом, позитивистский подход заложил идейную основу для светской танатологии, в рамках которой юридические вопросы о смерти стали решаться на основе нормативно-правовых актов и объективных критериев, а не религиозных догм.

Научный, светский поворот в итоге привел к всеобщему внедрению неврологических критериев для констатации смерти. В то время как традиционным стандартом было необратимое прекращение сердечно-дыхательной деятельности [24], современные технологии поддержания жизни, такие как аппараты искусственной вентиляции легких, сделали это определение несостоятельным, поскольку они могли искусственно поддерживать жизненно важные функции. В ответ на это и с целью достижения правовой и медицинской унификации появилась концепция смерти всего мозга как новый, общепринятый правовой стандарт. В нем смерть определяется как необратимое прекращение всех функций головного мозга [25], включая ствол мозга, тем самым устанавливая новый критерий, который связывает правосубъектность с комплексным функционированием человеческого организма.

Метафизический вызов объективации и юридический факт смерти

Прослеживая эволюцию философско-религиозных представлений, становится очевидным, что абстрактные метафизические построения, от платоновского дуализма до эпикурейского материализма, сформировали концептуальную матрицу, на основе которой право было вынуждено разработать прагматический инструмент для регулирования социального порядка. Этим инструментом является смерть как юридический факт. Правовая танатология [26. С. 177] возникает как прикладная дисциплина [27. С. 32–38], призванная гармонизировать экзистенциальную проблему с потребностью светского государства в единых объективных стандартах. Установление единого юридического критерия смерти (смерти мозга) и управление постмортальным пространством (донорство, погребение) [26. С. 180] объективирует философскую проблему.

Передавая слова приговоренного к смерти Сократа, Платон озвучивал мысль, которая будет высказываться и другими философами (Сенекой, Монтенем и др.): «...те, кто искренне привержены к философии, занимаются только одним умиранием и смертью» [28. С. 162]. Ведь смерть «как социальное явление, так и наука, изучающая ее предмет, — танатология — являются важнейшей частью человеческого бытия и культуры» [26. С. 177], поэтому нельзя ни «преклонять колени перед тайной смерти», ни «пренебрегать ею как феноменом» [29. С. 13]. Как отмечает В. Я. Янкелевич, «с точки зрения

права и закона, смерть также вполне естественна» [29]. Эволюция философских представлений о смерти последовательно влияла на формирование и развитие правовых учений. Проследивая эти идеи на разных этапах исторического развития, можно увидеть, как абстрактные метафизические построения были воплощены в конкретные правовые принципы (постулаты).

Смерть выступает фактором правовой действительности [30. С. 99], и служит юридическим фактом, который порождает, изменяет или прекращает различные правоотношения.

В научный лексикон уже вошло такое понятие как «правовая танатология», а в литературе высказано мнение о необходимости одноименной самостоятельной отрасли юридического знания. Она «представляет собой своего рода «мост» и «фильтр» достижений в области медицины и правовой науки, что в следствии, способствует праву «идти в ногу» с медициной» [28. С. 178].

По мнению О.Э. Старовойтовой правовая танатология представляет собой «отрасль правового знания, включающую в себя всю совокупность правовых проблем танатологии» [31. С. 49]. В свою очередь, В.П. Сальников и С.Г. Стеценко под танатологическими правами понимают права умирающего человека и права уже умершего лица (право быть похороненным или поддаться процедуре кремации; право распоряжаться своими органами или тканями после смерти; право на смерть и применение процедуры эвтаназии и др.) [27. С. 32–38].

Правовую танатологию необходимо рассматривать «в контексте правовой культуры, и именно это может привести к выделению ее в качестве объекта подлинно теоретического познания» [32. С. 35]. Данный посыл совершенно справедлив, поскольку правовая танатология не сводится только к юридической характеристике тех или иных проблем факта смерти. Это всеобъемлющая комплексная отрасль научного познания, которая использует весь арсенал методов научного познания (общенаучные, частнонаучные, специальные) и носит междисциплинарный характер.

Смерть может выступать в качестве своеобразного фактического источника права (того явления социальной действительности, которая требует нормативной регламентации). Например, С.В. Арапов относит к источникам права (с определенными оговорками) нормативный погребальный обряд у древних народов [33. С. 118–119]. Эти нормативные основы, зафиксированные археологическими исследованиями, выполняют следующие функции: защита души погребенного; защита душ сообщества от иных миров, в которые переходит погребенный; правильный обряд перевода тела и души, погребенного в иные миры; отражение в общественном сознании границ миров [34. С. 189].

Правовая танатология (правовые трактовки смерти) возникает как прикладная дисциплина, призванная внедрить философские и этические мандаты в регулирование, смягчая кризис, вызванный объективацией тела.

Смерть как юридический факт можно классифицировать по различным основаниям на следующие группы.

По виду юридического факта (событие или действие) можно выделить физиологическую (естественную) смерть и насильственную смерть. В зависимости от рода смерти ее делят на убийство, самоубийство и несчастный случай [35]. По нашему мнению, сюда необходимо добавить неосторожное причинение смерти тоже.

Разделение смерти на насильственную и ненасильственную осуществляется и по такому критерию как *социально-юридическая характеристика факта смерти*. Факт насильственной смерти порождает уголовно-правовые и уголовно-процессуальные отношения, поскольку такой вид смерти рассматривается как преступление. В то же время факт насильственной смерти может иметь значение и для «цивилистических» правоотношений. Например, в случае совершения наследником убийства наследодателя с целью ускорения процедуры получения наследства (т.е. убийства из корыстных побуждений), такой наследник объявляется недостойным и не наследует ни по закону, ни по завещанию.

В зависимости от участия человека в механизме причинения смерти ее можно разделить на три вида: *антропогенного, антропогенно-природного и природного характера*.

В первом случае наступление смерти есть исключительно «рукотворный» результат человека: выстрел из огнестрельного оружия в упор в голову жертвы. Во втором случае, преступник, совершив изнасилование несовершеннолетней в зимнем лесу, куда привез ее на автомобиле, отпускает ее после совершения насильственного полового акта, но предварительно снимает с нее всю одежду. В итоге потерпевшая замерзла насмерть. Сюда же можно отнести случай халатного отношения ответственных лиц к соблюдению правил пожарной безопасности привело к пожару и человеческим жертвам. Разница между этими двумя примерами только в форме вины преступника и влияния виновного на развитие причинно-следственной связи. В третьем случае спрятавшегося под деревом от сильного дождя человека убивает разряд молнии.

По характеру юридических последствий такие факты делятся на *правоустанавливающие, правоизменяющие и правопрекращающие*. Например, факт обнаружения лица в бессознательном состоянии с признаками насильственных телесных повреждений является основанием для возбуждения уголовного дела и признанием этого лица потерпевшим. Если в ходе расследования по данному уголовному делу пострадавший от причиненных ему повреждений скончается, то права потерпевшего переходят к одному из его близких родственников и (или) близких лиц, а при их отсутствии или невозможности их участия в уголовном судопроизводстве — к одному из родственников. Примером правопрекращающего факта может выступать смерть плательщика алиментов, после наступления которой алиментные обязательства прекращаются.

По субъекту правоотношения, смерть которого наступила. Данный субъект может характеризоваться различными социально-демографическими, юридическими и иными признаками.

Например, смерть наследодателя порождает наследственные правоотношения и предоставляет наследникам возможность вступить в права наследства. Смерть кормильца предоставляет право социального обеспечения тем лицам, которые находились на его иждивении, а при наличии у кормильца статуса военнослужащего порождает к таким правоотношениям могут применяться нормы сразу нескольких законов о пенсионном обеспечении [36. С. 114].

По видам отраслевых правоотношений, которые возникают, изменяются или прекращаются в связи со смертью, можно выделить конституционно-правовые, уголовно-правовые, уголовно-процессуальные, уголовно-исполнительные, административно-правовые, гражданско-правовые, гражданско-процессуальные, медико-правовые, военно-правовые, семейно-правовые отношения. Соответствующие отношения регулируются также нормами права социального обеспечения, погребального права и религиозного права, [37. С. 189–195] принимая во внимание особенности похоронных обрядов в мировых религиях [38. С. 27–34].

Такая классификация позволяет даже выделять специальные (отраслевые) понятия смерти [39. С. 12].

Смерть и ее юридическая оценка выступают «краеугольным камнем» *медицинского права*. Именно медицинское право определяет момент смерти человека. Это либо момент смерти головного мозга человека, либо его (человека) биологическая смерть. Именно медицинское право определяет концепт юридико-релевантной врачебной ошибки, которая привела к смерти пациента. В медицинском праве также остро встает вопрос о посмертном донорстве органов и тканей, об отказе родственников на проведение манипуляций по искусственному поддержанию жизни смертельно больного или умирающего человека [26. С. 180].

Нормы *конституционного права* напрямую не затрагивают проблемы смерти, но гарантируют право на жизнь. В то же время возникает вопрос: если человек имеет право на жизнь, то имеет ли он право на смерть, на достойный уход из жизни? Этот вопрос тесно связан с возможностью эвтаназии, которая в России прямо запрещена законом. В то же время в некоторых странах эта процедура легитимизирована, о чем приняты соответствующие акты (Euthanasia Legislation) [40].

Правопреемство в связи со смертью лица тоже имеет свои отраслевые особенности: биологическая смерть человека не исключает его юридическую личность. Напомним о переходе прав потерпевшего к его родственникам в уголовном процессе в случае смерти пострадавшего от преступления. Однако так происходит далеко не всегда: гражданское право не позволяет предъявлять исковых требований к умершему лицу (нести гражданско-правовую ответственность может только живой человек, чья правоспособность прекращается со смертью). Гражданское право, кроме того, содержит нормы, которые устанавливают правила «юридической смерти» и «юридического воскрешения»: объявления гражданина умершим и последствия явки гражданина, объявленного умершим.

Принципиальное значение факт смерти и его юридическая оценка имеют в уголовном праве. Эта отрасль позволяет отделить факт неправомерного причинения смерти (убийство, причинение смерти по неосторожности) от правомерного (состояние необходимой обороны). В Особенной части уголовного права наступление смерти потерпевшего дает основание для выделения гомицидальной преступности — совокупности умышленных и неосторожных общественно опасных деяний, посягающих на жизнь человека [41. С. 15]. В криминологической науке возникло новое ответвление — «криминотеология» («учение о преступлениях, совершаемых в связи с вероисповеданием в какого-либо Бога» [42. С. 158]). В связи с этим можно говорить об отдельной группе так называемых «обрядовых преступлений», включая и виновное причинение смерти (например, ритуальные убийства, человеческие жертвоприношения). Кроме того, нормы данной отрасли охраняют и постмортальные отношения, устанавливая ответственность за надругательство над телами умерших и местами их захоронения, за нарушение порядка похоронных процессов, срыв заупокойных богослужений и т.п.

Заключение

Проблема жизни и смерти — это альфа и омега человеческого бытия на протяжении всего существования *homo sapiens*. Несмотря на то, что танатология как наука появилась в конце XIX — начале XX веков все мировые религии предавали вопросу смерти основополагающее значение. Религиозное понимание смерти характеризует бренность человеческого тела и бессмертие души, которая переходит в иной мир. Любая смерть (насильственная или естественная) рассматривается как божий промысел, а наступление ее от человека никак не зависит. Однако смерть в контексте сакральных учений олицетворяет собой «окончание земного пути», который будет оцениваться Высшим судом, после чего душа умершего будет либо наслаждаться райским умиротворением, либо гореть в адском огне. Избежав земного суда, грешник (преступник) не избежит наказания суда божьего.

Философское понимание смерти вслед за религиозным (или вкупе с ним) исповедовал тот же подход, который можно сформулировать как *temento mori*. Философские учения нацелены на «утоление» страха смерти и спокойную встречу «последнего часа». Бренность человеческого существования и естественность (неотвратимость) смерти ориентировали человека на то, что короткая, но достойная жизнь ценится гораздо выше, чем долгая, но порочная. Смерть может быть романтизирована, а, в определенных случаях, и героизирована. Последнее означает, что смерть предпочтительнее позора и бесчестия. Хорошо известна фраза испанской антифашистки Долорес Ибарурри: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях».

Но смерть, как факт бытия одновременно является и фактом юридическим, порождающим самые разные правоотношения, и наделяя их субъектов правами и обязанностями. Смерть, выступая фактором правовой действительности, охватывает все отрасли права, а, в некоторых случаях, выступает так

называемым фактическим источником права — погребальный обряд во многих культурах является не просто траурной церемонией, а набором строгих правил поведения, нарушение которых чревато юридической ответственностью. Именно эти обряды сформировали отдельную отрасль — погребальное право. Причинение смерти может рассматриваться и как правомерный акт (уничтожение живой силы противника во время боевых действий; лишение жизни преступника в состоянии необходимой обороны; приведение в исполнение смертного приговора суда), и как преступное деяние (убийство).

Социально-правовой характер смерти (насильственная или ненасильственная) интересует не только юристов и криминалистов, но и богословов (убийство Авеля Каином считается первым убийством на земле). Однако именно криминалистическое исследование смерти отвечает на вопрос об антропогенности ее характера, развитии причинно-следственной связи и механизме причинения.

Список литературы

- [1] *Niederhauser J.A.* The Necessity of the Seinsfrage // Heidegger on Death and Being: An Answer to the Seinsfrage. Cham : Springer International Publishing, 2020. P. 13–31. DOI: 10.1007/978-3-030-51375-7_2
- [2] *Фалёв Е.В.* «Эпистемологически различные миры»: от Я. Иксюля до Г. Вакариу // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2024. Т. 28. № 4. С. 1032–1049. DOI: 10.22363/2313-2302-2024-28-4-1032-1049 EDN: JTNOBM
- [3] *Jacobs R.J., Jacobs P.* Judaism // Understanding End of Life Practices: Perspectives on Communication, Religion and Culture / edited by C. Banerjee. Springer, 2023. P. 247. DOI: 10.1007/978-3-031-29923-0_17
- [4] *Фролова А.П.* Вопросы *jus ad bellum* и *jus in bello* в иудаизме // Евразийский юридический журнал. 2014. №. 5. С. 69–72. EDN: SFAFAV
- [5] *Rugg J., Parsons B.* Religious Belief and Funerary Practice // Funerary Practices in England and Wales / edited by J. Rugg, B. Parsons. Emerald Publishing Limited, 2018. P. 69–93. DOI: 10.1108/978-1-78769-223-720181006
- [6] *Hasan M. et al.* The Four Principles in Islamic and Western Medical Ethics: A Scoping Review // The New Bioethics: A Multidisciplinary Journal of Biotechnology and the Body. 2025. Vol. 31. No. 2–4. P. 120–135. DOI: 10.1080/20502877.2025.2590274
- [7] *Knigh F.* Cremation and Christianity: English Anglican and Roman Catholic attitudes to cremation since 1885 // Mortality: Promoting the interdisciplinary study of death and dying. 2018. Vol. 23. No. 4. P. 301–319. DOI: 10.1080/13576275.2017.1382460
- [8] *Grosu E.* Particular Judgment in Visio Baronti // Philologica Jassyensia. 2021. Vol. 17. No. 1 (33). P. 187–197.
- [9] *Cann C.* Death and religion: The basics. 1 ed. Routledge, 2022.
- [10] *Волкова В.А.* Проблематика свободы воли и моральной ответственности в этике буддизма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2024. Т. 28. № 1. С. 109–119. DOI: 10.22363/2313-2302-2024-28-1-109-119 EDN: APQIBK
- [11] *Maurya S.K.* Restorative justice and karmic justice: Ubuntu and Vedanta in dialogue // African Journal of Religion, Philosophy and Culture. 2025. Vol. 6. No. 2. P. 27.

- [12] *Asai A. et al.* Abortion: Shinto Perspective // In Abortion: Global Positions and Practices, Religious and Legal Perspectives / edited by A. Bagheri. Cham: Springer International Publishing, 2021. P. 191–202.
- [13] *Клейн Л.С.* Бронзовый век Европы. Размышления над книгой К. Кристиансена и Т. Ларсона // Российская археология. 2009. № 2. С. 169–175. EDN: KAVUKX
- [14] *Кирабаев Н.С., Хрячков А.* Свобода как философская проблема // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2025. Т. 29. № 2. С. 504–519. DOI: 10.22363/2313-2302-2025-29-2-504-519 EDN: UIXLYQ
- [15] *Wasmuth E.* Why Socrates’ Legs Didn’t Run Off to Megara: Moral Deliberation in Plato’s Crito // Phronesis. 2020. Vol. 65. No. 4. P. 380–413. DOI: 10.1163/15685284-BJA10011 EDN: KJVLML
- [16] *Menzies R.E., Whittle L.F.* Stoicism and death acceptance: Integrating stoic philosophy in cognitive behaviour therapy for death anxiety // Discover Psychology. 2022. Vol. 2. No. 1. P. 11. DOI: 10.1007/s44202-022-00023-9 EDN: LLSHJI
- [17] *Lerner R.* Civil death in early modern England // Exemplaria: Medieval, Early Modern, Theory. 2020. Vol. 32. No. 4. P. 326–345. DOI: 10.1080/10412573.2020.1846347 EDN: LYJJEF
- [18] *Попов Е.А.* Тема страдания в творчестве М. Фуко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2024. Т. 28. № 2. С. 434–449. DOI: 10.22363/2313-2302-2024-28-2-434-449 EDN: VFAQYL
- [19] *Bessler J.D.* The Philosophy of Punishment and the Arc of Penal Reform: From Ancient Lawgivers to the Renaissance and the Enlightenment, and through the Nineteenth Century // The Palgrave Handbook on the Philosophy of Punishment / edited by M.C. Altman. Cham : Springer International Publishing, 2023. P. 23–52. DOI: 10.1007/978-3-031-11874-6_2
- [20] *Partner P.* The Lands of St Peter: The Papal State in The Middle Ages and The Early Renaissance. Berkeley : University of California Press¹, 2022.
- [21] *Богданов Д.Е.* Постмодерн в российском частном праве: взаимодействие правовой и судебной доктрины // Lex russica. 2021. Т. 74. № 11. С. 102–123. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.180.11.102-123 EDN: UCIOVC
- [22] *Михайлов А.М.* К вопросу о философско-методологических основаниях английского юридического позитивизма XIX столетия (правовые учения Й. Бентама и Д. Остина) // Право и политика. 2020. № 11. С. 57–73. DOI: 10.7256/2454-0706.2020.11.34429 EDN: SEKLXF
- [23] *Тимоти М.* Тело тело встретило: жизнь Иеремии Бентама после смерти // Философско-литературный журнал «Логос». 2015. Т. 25. № 6 (108). С. 105–113. EDN: XCSYQB
- [24] *Колочков Е.Д.* Критерии определения момента окончания уголовно-правовой охраны жизни человека // Криминалист. 2016. № 1 (18). С. 110–113. EDN: VZJLRB
- [25] *Пирадов М.А., Гнедовская Е.В.* Алгоритм диагностики смерти мозга // Атмосфера. Нервные болезни. 2010. № 1. С. 6–12. EDN: YAJRHF
- [26] *Ильченко К.В.* Правовая танатология: некоторые философско-правовые размышления о смерти человека в контексте правовой культуры // Мир политики и социологии. 2019. № 5. С. 177. EDN: ORAPAN

¹ Калифорнийский университет в Беркли имеет статус организации, деятельность которой признана нежелательной на территории Российской Федерации.

- [27] Сальников В.П., Стеценко С.Г. Правовая танатология как составная часть био-юриспруденции // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 1. С. 32–38. EDN: TWWEMP
- [28] Гильзова О.С., Замощанская А.Н. Концепция смерти в философии В. Янкелевича: смерть по эту сторону смерти // Манускрипт. 2020. Т. 13. № 1. С. 162. DOI: 10.30853/manuscript.2020.1.33 EDN: NCCJCE
- [29] Янкелевич В. Смерть. Москва : Литературный Институт, 1999.
- [30] Бекетов А.О., Патрушева А.А. Фактическая и юридическая смерть участника уголовного судопроизводства // Юрист-Правоведь. 2019. № 4 (91). С. 99–104. EDN: ABYOVU
- [31] Захарцев С.И. Биомедицинские эксперименты над человеком и право // Стратегические приоритеты. 2018. № 2 (18). С. 49. EDN: ХТҮНТҒ
- [32] Сальников В.П., Кузнецов Э.В., Старовойтова О.Э. Правовая танатология: Научное издание / под общ. ред. и со вступ. ст. В.П. Сальникова. Санкт-Петербург : Фонд «Университет», 2002.
- [33] Арапов С.В. О некоторых исторических особенностях проявления права и правового сознания // Современное право. 2024. № 1. С. 118–119. DOI: 10.25799/NI.2024.83.26.020 EDN: FLWBIE
- [34] Арапов С.В. Контуры Правосознания: к эволюции правового восприятия. Санкт-Петербург, 2021. EDN: JWIIYQ
- [35] Витер В.И., Вавилов А.Ю., Лебянкина И.А. Судебно-медицинская экспертиза трупа: учебно-методическое пособие / сост. В.И. Витер, А.Ю. Вавилов, И.А. Лебянкина. Ижевск : ГОУ ВПО «Ижевская государственная медицинская академия», 2008. EDN: UHYJCE
- [36] Азарова Е.Г. Пенсионное обеспечение детей, потерявших кормильца: особенности правового регулирования // Журнал российского права. 2017. № 8. С. 114. DOI: 10.12737/article_597714e88ee358.48297247 EDN: ZBTHDT
- [37] Силантьева В.А. Нормативно-правовое регулирование погребального процесса в России в период эпидемий XVIII–XIX вв. // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29. № 1. С. 189–195. DOI: 10.34216/1998-0817-2023-29-1-189-195 EDN: ZWQYRJ
- [38] Туремуратова С., Мукан Н. Похоронные церемонии в монотеистических религиях // Вестник КазНУ, Серия Религиоведение. 2020. Т. 22. № 2. С. 27–34.
- [39] Патрушева А.А. Уголовно-процессуальные правоотношения, возникающие в связи со смертью участников уголовного судопроизводства : дис. ... к. юрид. н. : 12.00.09. Омск, 2020. EDN: RKAVAD
- [40] Kono M., Arai N., Takimoto Y. Identifying practical clinical problems in active euthanasia : A systematic literature review of the findings in countries where euthanasia is legal // Palliative & Supportive Care. 2023. Vol. 21. No. 4. P. 705–713. DOI: 10.1017/S1478951522001699 EDN: EDSVJX
- [41] Стешич Е.С. Теоретические и методологические основы криминологического исследования преступлений, связанных с причинением смерти : дис. ... д-ра юрид. н. : 12.00.08. Краснодар, 2019.
- [42] Старков О.В., Башкатов Л.Д. Криминотеология: религиозная преступность / под общ. ред. О.В. Старкова. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2004.

References

- [1] Niederhauser JA. The Necessity of the Seinsfrage. In: *Heidegger on Death and Being: An Answer to the Seinsfrage*. Cham: Springer International Publishing; 2020. P. 13–31. DOI: 10.1007/978-3-030-51375-7_2
- [2] Falev EV. “Epistemologically Different Worlds”: from J. Uexküll to G. Vakariu. *RUDN Journal of Philosophy*. 2024;28(4):1032–1049. DOI: 10.22363/2313-2302-2024-28-4-1032-1049 EDN: JTNOBM
- [3] Jacobs RJ, Jacobs P. Judaism. In: Banerjee C, ed. *Understanding End of Life Practices: Perspectives on Communication, Religion and Culture*. Springer; 2023. P. 247. DOI: 10.1007/978-3-031-29923-0_17
- [4] Frolova AP. Jus ad bellum and jus in bello issues in Judaism. *Eurasian Law Journal*. 2014;(5): 69–72. (In Russian). EDN: SFAFAV
- [5] Rugg J, Parsons B. Religious Belief and Funerary Practice. In: Rugg J, Parsons B, eds. *Funerary Practices in England and Wales*. Emerald Publishing Limited; 2018. P. 69–93. DOI: 10.1108/978-1-78769-223-720181006
- [6] Hasan M, et al. The Four Principles in Islamic and Western Medical Ethics: A Scoping Review. *The New Bioethics: A Multidisciplinary Journal of Biotechnology and the Body*. 2025;31(2–4):120–135. DOI: 10.1080/20502877.2025.2590274
- [7] Knight F. Cremation and Christianity: English Anglican and Roman Catholic attitudes to cremation since 1885. *Mortality: Promoting the interdisciplinary study of death and dying*. 2018;23(4):301–319. DOI: 10.1080/13576275.2017.1382460
- [8] Grosu E. Particular Judgment in Visio Baronti. *Philologica Jassyensia*. 2021;17(1):187–197.
- [9] Cann C. *Death and religion: The basics*. 1 ed. Routledge; 2022.
- [10] Volkova VA. The Problems of Free Will and Moral Responsibility in Buddhist Ethics. *RUDN Journal of Philosophy*. 2024;28(1):109–119. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-2302-2024-28-1-109-119 EDN: APQIBK
- [11] Maurya SK. Restorative justice and karmic justice: Ubuntu and Vedanta in dialogue. *African Journal of Religion, Philosophy and Culture*. 2025;6(2):27.
- [12] Asai A, et al. Abortion: Shinto Perspective. In: Bagheri A, ed. *Abortion: Global Positions and Practices, Religious and Legal Perspectives*. Cham: Springer International Publishing; 2021. P. 191–202.
- [13] Klein LS. The Bronze Age in Europe: Reflections on The Book by K. Kristiansen and T. Larsson. *Rossiyskaya arkheologiya*. 2009;(2):169–175. (In Russian). EDN: KAVUKX
- [14] Kirabaev NS, Khryachkov AV. Freedom as a Philosophical Problem. *RUDN Journal of Philosophy*. 2025;29(2):504–519. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-2302-2025-29-2-504-519 EDN: UIXLYQ
- [15] Wasmuth E. Why Socrates’ Legs Didn’t Run Off to Megara: Moral Deliberation in Plato’s Crito. *Phronesis*. 2020;65(4):380–413. DOI: 10.1163/15685284-BJA10011 EDN: KKJVLN
- [16] Menzies RE, Whittle LF. Stoicism and death acceptance: Integrating stoic philosophy in cognitive behaviour therapy for death anxiety. *Discover Psychology*. 2022;2(1):11. DOI: 10.1007/s44202-022-00023-9 EDN: LLSHJI
- [17] Lerner R. Civil death in early modern England. *Exemplaria: Medieval, Early Modern, Theory*. 2020;32(4):326–345. DOI: 10.1080/10412573.2020.1846347 EDN: LYJJEF
- [18] Popov EA. The Theme of Suffering in the Work of M. Foucault. *RUDN Journal of Philosophy*. 2024;28(2):434–449. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-2302-2024-28-2-434-449 EDN: VFAQYL
- [19] Bessler JD. The Philosophy of Punishment and the Arc of Penal Reform: From Ancient Lawgivers to the Renaissance and the Enlightenment, and through the Nineteenth Century.

- In: Altman M.C, ed. *The Palgrave Handbook on the Philosophy of Punishment*. Cham: Springer International Publishing; 2023. P. 23–52. DOI: 10.1007/978-3-031-11874-6_2
- [20] Partner P. *The Lands of St Peter: The Papal State in The Middle Ages and The Early Renaissance*. Berkeley: University of California Press²; 2022.
- [21] Bogdanov DE. Postmodernity in Russian Private Law: Interaction of Legal and Judicial Doctrine. *Lex Russica*. 2021;74(11):102–123. (In Russian). DOI: 10.17803/1729-5920.2021.180.11.102-123 EDN: UCIOVC
- [22] Mikhailov AM. To the question on philosophical-methodological foundations of English legal positivism of the XIX century (legal teachings of J. Bentham and J. Austin). *Law and Politics*. 2020;(11):57–73. (In Russian). DOI: 10.7256/2454-0706.2020.11.34429 EDN: CEKLCF
- [23] Timothy M. When a Body Meets a Body: Jeremy Bentham's Afterlife. *Logos Philosophical and Literary Journal*. 2015;25(6):105–113. (In Russian). EDN: XCSYQB
- [24] Kolochkov ED. Criteria for determining the moment of termination of criminal-legal protection of human life. *Kriminalist*. 2016;(1):110–113. (In Russian). EDN: VZJLRB
- [25] Piradov MA, Gnedovskaya EV. Algorithm for diagnosing brain death. *Atmosfera. Nervnye bolezni*. 2010;(1):6–12. (In Russian). EDN: YAJRHF
- [26] Il'chenko KV. Legal thanatology: some philosophical and legal reflections on human death in the context of legal culture. *Mir politiki i sotsiologii*. 2019;(5):177. (In Russian). EDN: ORAPAH
- [27] Sal'nikov VP, Stetsenko SG. Legal thanatology as an integral part of biojurisprudence. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*. 2015;(1):32–38. (In Russian). EDN: TWWEMP
- [28] Gilyazova OS, Zamoshchanskaya AN. The concept of death in the philosophy of V. Yankelevich: death on this side of death. *Manuskript*. 2020;13(1):162. (In Russian). DOI: 10.30853/manuskript.2020.1.33 EDN: NCCJCE
- [29] Yankelevich V. *Death*. Moscow: Literary Institute; 1999. (In Russian).
- [30] Beketov AO, Patrusheva AA. The Actual and Legal Death of a Party to Criminal Proceedings. *Yurist-Pravoved*. 2019;(4):99–104. (In Russian). EDN: ABYOVU
- [31] Zakhartsev SI. Biomedical Human Experimentation and the Law. *Strategicheskie priority*. 2018;(2):49. (In Russian). EDN: XTYHTF
- [32] Sal'nikov VP, Kuznetsov EV, Starovoitova OE. *Legal Thanatology: A Scholarly Publication*. Sal'nikova VP, ed. Saint Petersburg: University Foundation; 2002. (In Russian).
- [33] Arapov SV. On some historical features of the manifestation of law and legal consciousness // *Sovremennoe pravo* publ. 2024;(1):118–119. (In Russian). DOI: 10.25799/NI.2024.83.26.020 EDN: FLWBIE
- [34] Arapov SV. *Contours of Legal Consciousness: towards the evolution of legal perception*. Saint Petersburg; 2021. (In Russian). EDN: JWIIYQ
- [35] Viter VI, Vavilov AYU, Ledyankina IA. *Forensic Medical Examination of a Corpse: A Teaching Guide*. Viter VI, Vavilov AYU, Ledyankina IA, eds. Izhevsk: Izhevsk State Medical Academy; 2008. (In Russian). EDN: UHYJCE
- [36] Azarova EG. Pension Provision for Children Who Lost Their Bread-Winners: Peculiarities of Legal Regulation. *Journal of Russian Law*. 2017;(8):114. (In Russian). DOI: 10.12737/article_597714e88ee358.48297247 EDN: ZBTHDT
- [37] Silantyeva VA. Legal regulation of the funeral process in Russia during the 18th–19th centuries epidemics. *Vestnik of Kostroma State University*.

² Калифорнийский университет в Беркли имеет статус организации, деятельность которой признана нежелательной на территории Российской Федерации.

- 2023;29(1):189–195. (In Russian). DOI: 10.34216/1998-0817-2023-29-1-189-195 EDN: ZWQYRJ
- [38] Toremuratova S, Mukhan N. Funeral ceremonies in the monotheistic religions. *Eurasian Journal of Religious Studies*. 2020;22(2):27–34. (In Russian).
- [39] Patrusheva AA. *Criminal Procedural Legal Relations Arising in Connection with The Death of Participants in Criminal Proceedings*: dissertation for the degree of candidate of legal sciences. Omsk; 2020. (In Russian). EDN: RKAVAD
- [40] Kono M, Arai N, Takimoto Y. Identifying practical clinical problems in active euthanasia: A systematic literature review of the findings in countries where euthanasia is legal. *Palliative & Supportive Care*. 2023;21(4):705–713. DOI: 10.1017/S1478951522001699 EDN: EDSVJX
- [41] Steshich ES. *Theoretical and methodological foundations of criminological research of crimes related to causing death*: dissertation for the degree of doctor of legal sciences. Krasnodar; 2019. (In Russian).
- [42] Starkov OV, Bashkatov LD. *Criminoteology: religious crime*. Starkova OV, ed. Saint Petersburg: Legal Center Press; 2004. (In Russian).

Сведения об авторах:

Клебанов Лев Романович — доктор юридический наук, профессор, ведущий научный сотрудник, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, юридический институт, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0002-1452-9568. SPIN-код: 8500-6094. E-mail: klebanov-lr@rudn.ru

Маджумаев Мурад Мамедович — кандидат юридический наук, ведущий научный сотрудник, старший преподаватель кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, юридический институт, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0003-3332-2850. SPIN-код: 2278-5843. E-mail: murad.mad@outlook.com

Гребнев Роман Вячеславович — младший научный сотрудник, ассистент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, юридический институт, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0009-0003-4626-6250. SPIN-код: 4632-6993. E-mail: grebenev-rv@rudn.ru

About the authors:

Klebanov Lev R. — Doctor of Legal Sciences, Professor, Leading Researcher, Professor at the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, Law Institute, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-1452-9568. SPIN-code: 8500-6094. E-mail: klebanov-lr@rudn.ru

Madzhumayev Murad M. — Candidate of Legal Sciences, Leading Researcher, Senior Lecturer at the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, Law Institute, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-3332-2850. SPIN-code: 2278-5843. E-mail: murad.mad@outlook.com

Grebenev Roman V. — Junior Researcher, Assistant at the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, Law Institute, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0009-0003-4626-6250. SPIN-code: 4632-6993. E-mail: grebenev-rv@rudn.ru